
АРХЕТИП ГЕРОЯ ГРААЛЯ В ПОВЕСТИ И. ШМЕЛЁВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

А.О. Стриганова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Целью этой статьи мы поставили изучение архетипа героя Грааля в повести И. Шмелёва «Неупиваемая чаша». В произведении, принадлежащем новому времени и совсем иной, русской культуре, древний кельтский архетип обрел новое рождение и новые черты, обогатившие и углубившие историю его литературных преломлений.

Ключевые слова: Грааль, герой Грааля, архетип, экфарсис, И. Шмелёв, «Неупиваемая чаша».

В первое свое средневековое возрождение миф о Граале, вливаясь в романы и поэмы, обретал новое время и место действия, но сохранял в себе образы и чудеса древнего мира кельтов с его магами и колдунами. Таковыми были романы де Труа и его продолжателей. И лишь Робер де Борон сумел так вписать Грааль в христианскую традицию, что в скором времени во многих храмах стали появляться чудесные чаши, названные святыми Граалями, а в аббатстве Гластонберри была найдена могила Артура: «Вся тональность его произведений перекликается со стилем житий святых и апокрифическими Евангелиями» [1].

Заслуга этого автора огромна, именно благодаря ему Грааль перестал принадлежать своей эпохе и с тех пор, оторванный от нее, гармонично, сохраняя свой смысл и неизменный мотив поиска, переходит из культуры в культуру.

Именно этот Христианский Грааль, без оккультных и языческих черт, не чаша, в которой не иссякают ни еда, ни вино, как в древних сказках, но неиссякаемый источник божественной радости, появляется на страницах повести И. Шмелёва «Неупиваемая чаша». И как когда-то миф языческий был вписан в христианскую традицию, так теперь этот европейский средневековый миф занимает свое место в традиции русской. В «Неупиваемой чаше» мы видим русскую деревню XIX в., с ее особым бытом, с ее деревянными церквями и долгими зимами — мир прежде никогда не становившийся местом действия легенды о Граале. Следы средневековой эстетики прослеживаются лишь изредка. Так, два одновременно рисуемых художником образа возлюбленной — простой портрет и икона, та же женщина, но такая, «которая умереть не может», — отсылает нас к западноевропейскому Средневековью — к культу прекрасной Дамы.

Икона «Неупиваемая чаша», вдохновившая автора на написание повести, получила известность в 1878 г. На ней была изображена Богородица с воздетыми к небесам руками, а перед ней стояла чаша, в которой сидел младенец Христос. История написания этой иконы заинтересовала Шмелёва настолько, что он попытался ее воспроизвести.

Критики относят повесть к жанру экфарсиса, описанию произведения изобразительного искусства в литературном тексте. На первый взгляд подобное опреде-

ление кажется ошибочным, ведь ни сама икона «Неупиваемая чаша», ни история ее создания не является центральным мотивом повести. Но при более глубоком рассмотрении подобное определение кажется нам вполне справедливым: «Экфарсис — описание предмета, несущего *изображение* другого предмета, как бы „отражение отражения“» [2].

Шмелёв не просто рассказывает историю героя, но пытается разгадать тайну его главной картины, т.е. разгадать загадку, заданную неизвестным иконописцем. Автор отражает в своем произведении икону, действительно существующую. Иконописец же, изображая богородицу с чашей, в свою очередь, отражает иное произведение искусства — христианские мифы о Граале. Мы можем проследить здесь цепь отражений. В центре повести «Неупиваемая чаша» действительно стоит произведение искусства — икона, но не внешний вид ее, не история ее написания, но попытка угадать смысл, некогда заложенный в нее автором.

Система персонажей довольно проста. По сути, в повести есть лишь один герой — живописец Илья, остальных персонажей мы видим его глазами, видим не как живых, противоречивых людей, но как будущие образы, которые украсят стены храма. Храм этот носит имя святого Ильи. И как случайный прохожий может увидеть эти образы, лишь зайдя в храм, так мы видим героев лишь в восприятии Ильи, в рамках его системы ценностей.

Повесть начинается и заканчивается описанием села Ляпуновка в 10-х гг. XX в. Дачники с интересом посещают старенькую церковь, полуразрушенную усадьбу, заросший пруд: «Правда: в Ляпуновке все в прошлом» [4].

Все здесь принадлежит миру ушедшему, кроме одной иконы, которая и в новое время вызывает живой интерес и заставляет поклониться себе всех верующих, а неверующих заставляет улыбнуться. Икона эта уже вошла в новый мир и нашла в нем свое место. И найдет место в веках, которые придут после. Эта икона — «Неупиваемая чаша», а мир повести оказывается схож с миром романов о Граале. Здесь нет средневековых городов и рыцарей, но есть другое важнейшее сходство: некий исторический перелом, наступление новой культурной эпохи, еще тронутой романтическими воспоминаниями о прошлом, здесь — об ушедшей Руси. Именно эта смена эпох является важнейшей чертой мира Грааля, Грааля-перерождения.

Главный герой повествования, крепостной крестьянин Илья на первый взгляд не является рыцарем и не совершает подвигов, он художник. Тем не менее в его пути оказывается чрезвычайно просто проследить путь героя классической артурианы, следующего за зовом Грааля. Юный Илья сын маляра и крепостной барина-самодура, в трудную минуту оказавшийся в храме, неожиданно для себя понимает, что хочет посвятить себя служению Богу. И когда в один волшебный яркий и солнечный день юноша встречает своего господина в хорошем настроении, он как откровение и зов воспринимает красоту весеннего дня, он слышит зов и решается просить отпустить его работать на росписи монастыря. В этот особенный день даже барин показался ему другим: «Так и сиял, как икона. И день был погожий, теплый, полный весеннего света» [4].

Таким же зов Грааля был и в сказках, и в романах. Как только герой слышал его, мир наполнялся волшебным светом, а окружающие люди казались прекрасными.

Выбранная доля — стремление юного Ильи писать такие иконы, которые подарят радость и душевную свободу темным и нищим духом людям, заставляет художника совершать все новые подвиги. Жертва, которой каждый раз требует Грааль, — расставание героя с привычным миром, с близкими людьми, с благами своего прежнего места в обществе. Все эти жертвы приносит и Илья. Когда хозяин посылает его учиться за границу, он оставляет на родине всех, кого знал, понимая, что многие, в том числе его отец, не доживут до его возвращения. Уезжая же из Италии, где прожил четыре года, Илья жертвует сытой жизнью, окружением образованных людей, а главное — свободой, в Россию он возвращается крепостным.

Трудно выделить в жизненном пути героя мотив блуждания и незаданный вопрос, без которых привычный путь героя Грааля не может обойтись. Как и герой Грааля, Илья скитается по миру, переплывает моря, видит мир и восхищается его разнообразием: «Сколько всего на свете, сколько всяких людей и товаров, как звезд в небе!» [4].

Но это разнообразие мира не сбивает с пути Илью, а напротив, гармонично наполняет красками его еще не нарисованные иконы. Не является мотивом блуждания и искушение, посланное художнику в образе цыганки Зойки. Ее грешную красоту трудно назвать искушением в полном смысле — она ни разу не заставила Илью усомниться в своем выборе, не растревожила его сердца и не стала ему желанной.

Взамен прежнего в «Неупиваемой чаше» есть новый смысл мотива блуждания. Прежде путешествия по миру давали герою возможность духовного роста и впоследствии выбора собственного пути из более широкого спектра, здесь же герой не выбирает, не изменяется, но равно впитывает в себя все увиденное, запоминает, чтобы однажды изобразить. Как рай должен включать в себя все, что возможно в мире, весь мир, так счастливый человек носит весь мир в своем сердце и для этого странствует. Так носит в себе всю радость мира Грааль Ильи — неупиваемая чаша. «Многие герои повести запечатлены в иконе, сам же Илья как бы воплощается в храме св. Ильи-пророка. Тема человека-Храма, тема строительства Храма внутри своей души самим человеком — встречается не только в „Неупиваемой чаше“» [3].

Мы видим, что сама ступень пути к замку Грааля сохраняется, но изменяется ее смысл.

Решение же, которое должен принять герой, задав себе вопрос «кто я?», было принято Ильей в тот же день, когда он впервые услышал зов. Мотив незаданного вопроса в повести отсутствует.

Следующий важный мотив — неуклонная вера в правильность избранного пути. Вера Ильи, подпитанная его любовью, ни разу не изменила ему, и главную свою икону и другие работы, он рисовал, несмотря на непонимание и зависть людей некогда равных ему, несмотря на свое положение, а позже, несмотря на смертельный недуг.

Трудно отыскать в повести мотив битвы с самим собой, разве что назвать так победу слабеющего художника над собственным телом. Сомнение так и не кос-

нулось его, его образ нельзя разделить на части — светлую и темную, истинную и ложную, прошлую и настоящую. Его образ целен и непротиворечив.

Так следует ли из отсутствия центрального мотива мифа о Граале, мотива победы героя над собой, что закончивший свою жизнь написанием иконы «Неупиваемая чаша» Илья не был героем Грааля? Он не изменился, не пережил переорождения, не переживет его и за пределами повествования, заканчивающегося смертью молодого художника.

Мы недаром начали статью с христианизации Граалевских романов. Вскоре после нее прежние герои Грааля с их внутренними конфликтами оказались неуместны, в них было слишком много языческих черт, и тогда на смену им пришел новый герой — Галахад. Галахад от рождения был одарен судьбой искателя Грааля. С детства он знал, как пройдет и чем кончится его жизнь. Следуя по пути, указанному Граалем, этот новый герой не совершал промахов, не испытывал сомнений, вера его была непреклонна, а соблазны мира обходили его стороной. Именно таким героем, Галахадом, является художник Илья.

С рождения своего Галахад был избранным, предназначенным для одной-единственной цели. Он не был похож на окружающих его рыцарей, не совершал ратных подвигов и не любил прекрасных дам, даже служение королю было для Галахада весьма условно. Таким является и Илья: с раннего возраста, ни внешне, ни внутренне он не был похож на людей, окружающих его, был хрупок и раним и точно так же всегда знал свое предназначение, и точно так же этим предназначением было служение Богу. Как легко преодолевал трудности пути Галахад, так и Илья легко и счастливо учился всему, что было для него необходимо. Так же схожи и внешние описания героев. Галахад был румян, светловолос, безбород — тонкий и женственный, он походил на ангела. Таким был и Илья: «Был он мальчик красивый и румяный, как наливное яблочко, а нежностью лица и глазами схож был с девочкой» [4].

В отличие от большинства прежних героев Грааля, для которых неизменной преградой была влюбленность и вполне земная преданность своей любви, Галахад, придерживаясь определенных принципов, не обращал внимания на прекрасных дам, но неизменно пользовался у них успехом. Так же любим и дворовыми девками, и свободными молодыми итальянками был Илья. И так же ни одна из них не заняла его сердце. Любовь же молодого художника к его госпоже была иной и больше походила на поклонение, веру. И вместо того, чтобы отводить его от его предназначения, напротив, вела его к цели — к той важнейшей иконе. Возлюбленная как могла облегчала его работу, давала заказы, все ближе подводящие художника к той самой, последней идее и ее воплощению.

Есть у Галахада и еще одна черта, отличающая его от прежних героев. Обретя Грааль, он навсегда увозит его от людей, скрывается вместе с ним в неведомых краях или возносится вместе с ним на небо. Если прежние герои и совершали что-то подобное, то лишь для того, чтобы святыня могла в сохранности вернуться на землю, когда миру понадобится ее помощь. Галахад же уносит чашу навсегда, забрав ее себе, став первым, последним и единственным ее героем. Есть подобная черта и у Ильи: «Неотрывно глядел он в лицо ее (госпожи — А.С.), вырванное из жизни и отданное ему — ему только» [4].

Он тайно рисует свою икону — «Неупиваемую чашу», он не показывает ее никому, даже госпоже, чей образ он придал Богоматери на иконе. Только в последние минуты перед смертью решает он завещать ее монастырю, открыв правду о ее существовании. И этим поступком все же отстраняется от Галахада.

Эти два героя, чистые и девственные, два верных христианина, лишённые сомнений и уверенные в своем пути, безусловно схожи. И хотя Галахад не может быть назван героем Грааля в полном смысле, но все же на протяжении истории он является одним из самых известных литературных воплощений героя Грааля.

Однако нас не столько интересует сходство Ильи с прежними героями, сколько то новое, что автор внес в поиск и в сам смысл Святого Грааля. Уезжая за границу, Илья хотел лишь следовать тому, что дает ему счастье. Но увидев новые страны, познав не только тяжелую и горькую сторону жизни Ляпуновки, но и светлое разнообразие мира, он вернулся назад с иной целью — донести увиденное до людей, нарисовать такие образы, которые тронут их темные и ленивые сердца. Именно тех людей, а не новых, свободных и счастливых, видит Илья в счастливом сне.

Илья в процессе поиска учится любить и уважать людей. В древних сказках целью поиска становится личное перерождение, в средневековых романах — перерождение во Христе, перерождение мира, смена эпох. В произведениях же XX в. героя ведет человеколюбие, стремление помочь людям и сделать их лучше.

Человеколюбие Ильи видно не только в его рассуждениях. Именно простых людей, а не воображаемых святых изображает он на своих иконах. Не только возлюбленную госпожу, но и многих других. В Арефии Печерском люди без труда узнают иконописца Арефия, видят его улыбку и лучистые глаза. Своего отца Терентия Илья воплощает в лике святого Терентия. Даже неприятная герою злая и распущенная цыганка Зойка узнается в его иконах в образе святой преподобной Марии Египетской.

Создавая картину Страшного суда, Илья изображает прощенными и идущими в рай всех людей, которых знал, в каждом из них сумел он найти светлые и красивые черты.

Лекарство, которое выбрал для подобного спасения людей Илья, — радость. Роспись новой церкви, все его иконы исполнены радости. Выделяя этот мотив как главный и чуть ли не единственный в произведении, В. Мельник и Т. Мельник отмечают: «Мотив радости звучит с самого начала повести. Портрет Анастасии Ляпуновой, при всей горечи и затаившемся страдании, радостен... В склепе ее медальон, и здесь мы снова видим „те же радостно плещущие глаза“» [3].

Рассказывая о радости Ильи, о том, как любит он миром, о том, как пытается запомнить на веки черты своей возлюбленной, автор постоянно употребляет глагол «пить». Поэтому не мудрено предположить, что именно радостью наполнена его неупиваемая чаша.

Важно понять, о какой именно радости идет речь. Старые люди, глядя на иконы Ильи, недоверчиво отмечают:

— Красиво, а строгости-то нету.

— Старое было строгое [3].

В отличие от средневековых героев, требовавших от себя и окружающих строгости, соблюдения норм и обычаев, новый герой провозглашает старение строгости. Отныне правду и перерождение стоит искать в радости. «Неупиваемая чаша» дарит исцеление гулякам и пьяницам. И совершить подобное не под силу морали, не под силу строгости.

В последней своей работе, в «Неупиваемой чаше», герою удастся воплотить ту самую великую радость. Все свои воспоминания, все разнообразие мира вливает Илья в свою волшебную чашу: «Все, что когда-то узнал Илья: радости и страдания, земля и небо и что на них; жизнь в потемках и та, далекая, за морями; все, что вливалось в душу — творило в Илье этот образ» [4].

Последние дни героя оказываются печальными, он осознает, что роспись его никому ничего не показала, что новая церковь была не нужна людям, что они остались темными, как и были, и что если бы он остался в Италии, никто об этом и не пожалел бы. И только после его смерти икона вдруг начинает исцелять, даря верящим в нее, приезжающим искать ее то самое, что хотел донести Илья, — радость. Из всех недугов более всего спасает икона от пьянства. От того самого недуга, который, приравняв к безумию, сбил множество героев классической артурианы с пути поиска, заменяя радость в их душах фальшивой веселостью.

Чтобы приблизить неупиваемую чашу радости к каноническому христианскому Граалю, священник велит нарисовать в ней младенца Христа. В романах артурианы Грааль выносят девушки, чьи волосы покрыты белой тканью. Так и икону «Неупиваемая чаша» выносят девушки в белых платках: «Ко времени написания повести И. Шмелёв — уже человек веры, поэтому часто повторяющееся в повести слово „радость“ имеет не обычный, но духовный смысл» [3].

Но только ли о строгой духовной радости верующего человека идет речь или строгость, как говорил сам герой, остается в прошлом? Именно там рыцари умолкали, замирали, преклоняли колена перед чудом. Перед чудом же нового Грааля продолжает гулять ярмарка, звучит детский смех и царит простая человеческая радость.

Важен и еще один едва зарождающийся здесь мотив. Как мы уже говорили, чаша вбирает в себя и изливает всю радость мира, но Илья не просто впитывает ее в себя, а считает себя обязанным показать эту радость другим, разбудить «темных» людей и привести их к свету. Пока этот мотив едва отделим от мотива человеколюбия, но в других, более поздних произведениях мотив героя, обрешего Грааль и желающего привести к обретению его всех других людей, станет особенно важен.

Языческий миф о Граале, некогда перешедший в христианскую эпоху и вписавшийся в ее эстетику, ставший неотъемлемой ее частью, с той же легкостью оказывается вписан в ранее чуждую ему русскую национальную традицию. Повесть И. Шмелёва «Неупиваемая чаша» является ярким тому примером. Сравнив мир Грааля классической артурианы с миром повести, мы обнаружили значительные сходства, важнейшее из них — исторический, нравственный перелом, на фоне которого происходит действие. Наиболее интересные аллюзии к мифу о Граале мы проследили в образе героя и событиях его пути. Мы показали, как внешне и внут-

ренне схожи Илья — первый герой Грааля на русской почве, и Галахад, первый чисто христианский герой Грааля. Повторяя мотив поиска Грааля, любой автор неминуемо вносит в него нечто новое. Прежние герои, обретя Грааль, укрывали его от мира, Илья же, напротив, желает не просто показать его людям, но и с его помощью помочь людям освободиться. Мотив человеколюбия едва уловимо граничит здесь с мотивом навязывания людям своих ценностей. Вторым важным вкладом автора является средство, избранное им для того, чтоб показать людям истинную природу Грааля. Это средство, пришедшее на смену средневековой строгости, — радость, действительно освобождающая людей от их пороков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барбер Р.* Святой Грааль, во власти священной тайны. — М.: Эксмо, 2006. [*Barber R.* Svjatoj Graal', vo vlasti svjashhennoj tajny. — Moskva: Jeksmo, 2006. — 635 s.]
- [2] *Власов В.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. — СПб.: Азбука-классика, 2004—2009. [*Vlasov V.* Novyj jenciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva. V 10 t. — Spb.: Azbuka-klassika, 2004—2009.]
- [3] *Мельник В.И., Мельник Т.В.* Об одном мотиве в повести И. Шмелёва «Неупиваемая чаша». Образовательный портал «Слово». — URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37194.php?PRINT=Y> [*Mel'nik V.I., Mel'nik T.V.* Ob odnom motive v povesti I. Shmeleva "Neupivaemaja chasha". Obrazovatel'nyj portal «Slovo». — URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37194.php?PRINT=Y>]
- [4] *Шмелёв И.* Неупиваемая чаша. Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1989. [*Shmelev I.* Neupivaemaja chasha. Sochinenija. V 2 tomah. Tom 1. M.: Hudozhestvennaja litertura, 1989.]

ARCHETYPE OF THE HERO OF GRAA IN I. SHMELEV'S STORY "INEXHAUSTIBLE CHALICE"

A.O. Striganova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

We set as the purpose of this article studying of an archetype of the hero of Graal in I. Shmelev's story "Inexhaustible Chalice". In the work belonging to new time and absolutely to other, Russian culture, the ancient Celtic archetype found the new birth and the new lines which enriched and have deepened history of its literary refractions.

Key words: Grail, the Grail heroes, archetype, ecphrasis, I. Shmelev, Inexhaustible Chalice.